

Валерий КОЛОТВИН

Великий ВАНАВАДИ

**Новокузнецк
2023**

Кемеровское региональное представительство
Общероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»
Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Валерий КОЛОТВИН

**Великий
ВАНАВАДИ**

Новокузнецк
«Ник без Company»
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К55

КОЛОТВИН Валерий Викторович

К55 Великий Ванавати / Валерий Колотвин ; Кемеровское региональное представительство Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей», Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк : Ник без Comrani, 2023. – 36 с.
12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бывалые люди говорят, что ни одно доброе дело не обходится безнаказанным. То же и с сотворением вселенных: каких только препятствий не припасено на пути смельчака, отважившегося на столь сомнительное предприятие, каких только ловушек и подвохов. Нет им числа. Множество неожиданностей, опасностей, лишений, караулит его за каждым поворотом. Стоило только Великому Создателю Вселенной Прахта Ванавати отправиться в его первое путешествие, как тут же и начались приключения. И весёлые, и грустные, а иной раз и ужасные. Куда приведёт его любопытство, какие суждено будет ему сделать открытия?

И куда же, наконец, делась его любимая, белая, восхитительно круглая чашечка?

© Валерий КОЛОТВИН

Колотвин Валерий Викторович родился 12 июня 1961 г. в Новокузнецке.

Литератор, художник, живописец и график. Член Международного художественного фонда (1996 г.), Творческого Союза художников России (2020 г.), Союза российских писателей (2021 г.). Один из основателей Творческого объединения «Круг Чистых» с 1988 г.

Литературную работу ведёт с 1978 года. Автор и редактор концептуальных текстов, выставочных программ и эстетических манифестов творческой лаборатории «Круг Чистых».

Живописные и графические работы находятся в музейных и частных собраниях России, США, ФРГ, Франции, Израиля, в том числе в коллекциях Государственного Русского музея, Kolodzei Art Foundation (США, Цинциннати), собрании Нортон Доджа в Zimmerli Art Museum (США, Нью-Брансуик), Museum of Flight (США, Сиэтл). Участник выставок в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург) и Белом доме (США, Вашингтон).

Член клуба любителей фантастики «Контакт» при Центральной городской библиотеке им. Н.В. Гоголя с 1978 года. С 1986 года постоянный автор коллективных поэтических и прозаических сборников клуба.

Inquisitio prima — До-знание первое

Давным-давно, когда ничего ещё не было, решил Великий Создатель Вселенной Прахта Ванавади сходить куда-нибудь и посмотреть, не найдётся ли вокруг чего-нибудь такого, что не являлось бы частью его собственного тела, или частью его прекрасной, тёплой, добротной одежды. Хорошенько оглядевшись и усердно подумав, Создатель сделал рукой приличествующий предстоящему предприятию жест и громко провозгласил:

— Я отправляюсь в долгий путь! Надо найти что-нибудь! Что-нибудь этакое... Что-нибудь новое. Буду искать!

Сказано — сделано, и отправился он куда глаза глядят, да не просто так, а вначале покрутил своим витым шёлковым пояском и подождал, пока поясок в руке успокоится и остановится. В какую сторону поясок указал, в ту сторону и направил он свой проницательный взгляд.

Никто не знает, долго ли, коротко ли двигался Ванавади через великое ничто, ведь ни часов, ни календарей, ни Солнца, ни Луны, чтобы измерить время, ещё не было, но сам-то он знал, конечно, что очень долго. На то он и Прахта. Много-много раз останавливался он, чтобы дать отдых крепким своим ногам, сильным своим рукам, зорким глазам своим, ясным как... как очи Создателя. И каждый раз, отходя ко сну, он специальным способом сматывал поясок в аккуратную бухточку, поверх которой тщательно, в определённом направлении, укладывал торчащий из середины хвостик так, чтобы, когда проснёшься, знать, в какую сторону идти дальше. А то ведь и заплутать недолго. Много-много раз, проснувшись, смотрел он с умилением на поясок и, преисполнившись радостной благодарности, говорил:

— Спасибо тебе, мой добрый поясок, за то, что так славно служишь мне. За то, что каждое утро показываешь мне верный путь.

И Великое Ничто, склонившееся над одиноким путником, безмолвно изумлялось, ведь только что сам Создатель назвал его — Утром.

Но вот однажды наступил день, когда, пробудившись, Создатель вдруг обнаружил, что любимый его, верный его поясок каким-то

необъяснимым образом раскрутился, переместился и, вместо того, чтобы показывать, как всегда, направление, совершенно сбился с пути и свисает теперь безвольно вниз.

— Ох! — сказал Прахта, — ох-ох-ох... — и внезапно понял, что знает теперь, где низ.

— Но пойду, я, конечно, вверх! — воскликнул он и притопнул ногой.

И пошёл. Но в душу его закралось сомнение.

Долго шёл вверх Создатель. Всё вверх и вверх, целый день, пока не устал. Ведь вверх идти всегда труднее, чем вниз. Сел он, развязал шнурки башмаков, расстегнул чекмень и стал отдыхать.

— Давно иду, — говорил он сокрушённо, — а путь наверх всё не кончается. Целый день иду.

А кое-кто утверждал, что шёл он триста восемьдесят тысяч лет, двадцать два дня, четыре часа с какими-то несколькими минутами и ещё четверть секунды. И что вокруг тем временем образовывался гелий и водород.

— Откуда ты взялся, Кое-кто? — спрашивал его Ванавати, прихлёбывая горячий чай из маленькой фарфоровой чашки, — ведь нет никого. И откуда ты всё это знаешь?

— Э-э-э! — говорил Кое-кто, — подожди, дорогой, ты ещё и не с таким встретишься.

И довольный Прахта нюхал ароматный чай и радостно цокал языком. Он знал, что впереди у него ещё немало свершений.

— Пойду-ка я завтра вниз, — рассуждал Великий, — ведь вниз идти куда легче, чем наверх. Да и, помнится мне, рассказывал кое-кто, будто бы встречаются там совсем необычные вещи.

А Кое-кто коварно молчал, хотя ничего такого и не рассказывал.

Вечер прошёл прекрасно, раскрасневшийся после горячего чая Ванавати ещё шире распахнул чекмень, был весел и оживлён, курил маленькую пенковую трубочку, блестел глазами, поводил плечами и даже пытался рассказывать анекдоты, хотя и был к тому не великий мастер. Впрочем, и анекдоты у него были все бородатые. Так и заснул он, утомлённый, тихо склонившись набок и выронив из рук маленькую, любимую фарфоровую чашечку.

Снилось ему ничто. Потом — нечто. Потом снова ничто, которое каким-то образом вдруг заволновалось, и с ним стало

происходить нечто необъяснимое. Но Предвечный Прахта откуда-то знал, даже во сне, что ничего такого позволять ничему нельзя ни в коем случае, что нужно непременно что-либо предпринять, чтобы прекратить эту вопиющую дисгармонию, проявить решительную инициативу и придать происходящему надлежащий ход. Он знал, что ничего не происходит просто так, что у всего есть своя причина, которую, в свою очередь, предваряет нечто ещё более первоосновное, и оно, разумеется, пристокает из того, что ему непосредственно предшествует, а предшествующее, как и всегда, опирается на что-то ещё более фундаментальное, и так далее, и так далее, и так далее... Внезапно Великий рассердился.

— Да что же это такое? — с досадой вопрошал он в колеблющуюся вокруг пустоту, — почему нельзя ничего оставить без внимания, ни от чего невозможно отвлечься. Стоит только оглянуться, как всё тут же идёт наперекосяк. Ну и что с того, что я — Создатель? Вы ещё вспомните про то, что я Учредитель, Зиждитель, Вездесущий и Пантократор, наконец... Совесть-то надо иметь!

В ответ бездна слегка покачнулась и стала как-то неуловимо углубляться. Это настораживало. И в тоже время заставляло задуматься, взглядеться, прислушаться. Чу? Пространство росло, раздавалось, полнело — наполнялось...

И вдруг Вседержитель понял, что всё происходящее совершенно закономерно. Оно оправдано, естественно, да что там говорить, — абсолютно необходимо. Ведь для того, чтобы что-то найти, оно ведь уже где-то должно быть, кого-то должно ожидать и кому-то должно быть предназначено. А следовательно, ему необходимо находиться на своём месте, что-либо утверждать и, тем самым, отвергать и отрицать нечто иное, от него отличающееся. Нужно лишь выбрать сущее, и отдать себя до конца свершающемуся бытию.

— Всё верно! — теперь ликование переполняло его, чувство священного долга, величие осознанной необходимости окрыляло, пело и обещало впереди такие немислимые возможности, такие сияющие перспективы, что оставалось лишь взмахнуть руками, вдохнуть полной грудью, и жить, и парить... Красота и

совершенство угадывались, узнавались теперь в каждом волнении, в каждом шорохе приближающегося, раскрывающегося Мира. В голове звенело, а кожа на руках покрылась пупырышками.

— Вставай! — вдруг гаркнул кто-то над ним, совсем ещё ни свет ни заря. Вспокоившийся Прахта подскочил, как ужаленный, долго озирался вокруг, метался туда-сюда, но никого не обнаружил, и, разочарованный, испуганный, стал уныло собирать вещи. Никак не мог он вспомнить своего сна, хотя и помнил, что снилось что-то очень хорошее, радостное, от чего вся его душа наполнялась восторженным ликованием, а в груди становилось тепло и свободно. Но не за что было зацепиться, никак ничего не всплывало в памяти, и Великий злился, раздражался и ворчал.

— Ну вот, ещё и душа какая-то, объявилась откуда-то, — недовольно приговаривал он, тревожно оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к тому, что происходило внутри. К тому же обнаружилось, что пропала его любимая фарфоровая чашечка, что так радовала душу прохладными печальными вечерами. И Великий Создатель заметался, замахал руками, стал всхлипывать и кричать, что вовсе не знает он ничего, ни о какой такой душе, и что лучше бы скорее нашлась его незаменимая, чудесная чашечка, иначе он за себя не ручается. Но потом он сел, долго плакал, и наконец решил (и это пришло, как озарение), что ему несомненно кто-то злокозненно вредит.

И в этот самый момент он вдруг заметил, что где-то далеко-далеко наверху, вовсе не прячась и даже как-то напоказ, неприятно маячит некий неверный призрачный свет, имеющий форму нечистого невнятно очерченного диска. Так настала Луна.

Inquisitiose cundus — До-знание второе

Вниз Создатель путешествовал недолго. Это только вначале спускаться было легче, чем подниматься. Но довольно скоро выяснилось, что чем проворней перебираешь ногами, тем больше тебя заносит, и тем сильнее тебя тянет книзу, и тем труднее

сохранять подобающее равновесие, а также размеренность походки и надлежащий вид. А если пытаешься замедлиться, то ноги начинают путаться, ступни разъезжаются, колени устают, сбиваешься с ритма и неловко пропускаешь шаг, отчего учащается дыхание и неопрятно выпучиваются глаза. Под конец путешествия достопочтенный Прахта уже просто кубарем катился неведомо как и незнамо куда, не чуя под собою ног и не имея перед внутренним взором никакого направления. Но что ещё досаднее — за всё прошедшее время он так и не обнаружил ни малейших следов пропавшей, такой дивно круглой, такой восхитительно белой, такой расписной и полезной чашечки. Кроме того, совсем уже некстати, подоспела и ещё одна неприятность: ни с того ни с сего стал донимать холод. Мёрзли уши и нос, и руки, мёрзла спина. Он забирался под шаровары с явным намерением потрогать там, где никого трогать не положено. И Всеблагой Ванавади сокрушался — жалел Никого, потому что холод совсем ничего не желал знать и трогал.

— Хоть бы согрел кто, — обиженно бормотал Вседержитель, хлюпая простуженным носом и потирая озябшие пальцы. Но Кто не появлялся. Во время сна становилось совсем худо, так как заснуть подолгу не удавалось, и приходилось ворочаться, вскакивать, делать пробежки, чтобы согреться, а иногда даже заваривать горячий чай, прихлёбывать который Создатель приспособился из старого кожаного кисета, в котором некогда хранился табак.

В такие моменты Создатель с сожалением вспоминал о потерянной чашечке и его охватывала экзистенциальная тошнота от осознания недоступности утраченного рая и безвозвратности уносящегося в небытие прошлого. В конце концов усталость брала своё, наваливалось тяжёлое обессиляющее равнодушие и наступало забытьё, более похожее на бред. В бреде в основном фигурировали некие «концы»: конец того, конец сего, ни с того ни с сего конец всего. И это несмотря на то, что и начало-то терялось в некой совершеннейшей неопределённости. Кончилось это всё тем, что Ванавади люто возненавидел того Кто-то, который ему так изошрённо и изобретательно с некоторых пор вредил. Он постоянно размышлял над тем, кто же это мог делать, он пытался предугадать, что его обидчик выкинет в следующий раз, он

придумывал ему обидные клички и унижительные истории, в которых тот выглядел полным негодяем.

— Эй! — восклицал иногда Создатель, совершенно в сердцах, — где ты, несчастный антагонист, мой злобный недоброжелатель, мой тайный соперник? Почему ты скрываешься от меня? Зачем тебе меня мучить? Что тебе нужно от одинокого путника?

Во время одного из таких трагических срывов Создатель вдруг вместе с нестерпимо яркой вспышкой озарения, буквально полыхнувшей в его мозгу, осознал: а ведь он уже кое-что нашёл! Это буквально сбило его с ног. Он сидел и чувствовал, как его буквально распирает совершенно новая полнота, как восходит в нём свет новой реальности, как в воображении шевелятся предчувствия ещё неизведанных, никем не виданных чудес. И в этот момент он зацепился взглядом за некое свечение, что занималось где-то сбоку, что постепенно разгоралось и разгоралось, уплотняясь, обретая форму, наливаясь содержанием и неотъемлемой, присущей лишь ему сутию, неумолимо превращаясь в восходящее над ничем Солнце.

— Ух ты! — только и сказал Ванавади.

Но в этот момент внизу забрезжила Луна, и Прахта решил, что здесь пора крепко поразмыслить.

О чём думал Погонщик Миров в течение приблизительно пятидесяти пяти с половиной миллионов лет, никто уже никогда не узнает. Видимо, стыдно было рассказывать. Но к исходу этих времён он вдруг обеспокоился, заёрзал, высоко подпрыгнул, заверещал, как зарезанный, и бросился бежать. И ведь не зря. Едва он успел отдалиться, как мимо с огромной скоростью пролетел некий дивно округлый, ослепительно белый, но покрытый изумительно тонкой узорочной вязью, странно знакомый предмет. То был сосуд. Гигантских размеров.

— Ча-а-а-а-щечка-а-а-а! — протяжно крикнул ей вслед Ванавади, сильно наклонившись вперёд и чуть не потеряв равновесие. Но тут же спохватился и встал поустойчивее. Вполне достаточно было уже того, что он чуть не упал. Но было поздно, покой исчез.

— Вот ведь как...

— Да с каких это пор...

- Но если принять погрешность...
- А вот тут факты не подтверждают...
- А ведь придётся признать... К тому имеются все доказательства...
- Не выдерживает ни малейшей критики...
- В совокупности объясняет...
- В этот торжественный час...

Наконец Прахта, приняв самую возвышенную позу из тех, что были ему известны, громогласно провозгласил:

— Представьте себе пространственно-временной континуум, имеющий в основе непрерывное многообразие, несводимое к плоскости, но способное изменять кривизну динамически, в зависимости от условий... Применив ряд преобразований, мы легко придём к выводу о том, что он непрерывно расширяется, подобно тому, как расширяется, если его надувать, хорошо всем знакомый детский воздушный шарик. В этом случае изменения, произошедшие с нашим возлюбленным сосудом для возлияний, получают свои естественные и непротиворечивые объяснения. Вселенная растёт! И её расширение неостановимо!

Ванавади притопнул ногой, и сделал обеими руками приличествующий величайшему открытию всех мест и времён жест.

— Да! Но почему я остался того же самого размера, что и прежде? И что такое воздушный шарик?

Он ещё немного подумал и наконец решился:

— Как великий Прахта этого мира и как безначальный источник ВСЕГО СУЩЕГО — повелеваю! Хочу расширяться вместе со всем остальным!

И, казалось бы, ничего особенного не произошло, и всё осталось, как прежде: с одной стороны светила Луна, с другой — Солнце. Даль оставалась ясной и необъятной, а тишина всепоглощающей, но тут Вседержитель вдруг согнулся пополам, из глаз его брызнули слёзы, — он явственно почувствовал у себя в глубине, в животе — Большой Взрыв.

— Э, братец, да у тебя, похоже, колики! Давно ли ты руки мыл? — озабоченно произнёс внутренний голос.

Только одно и смогло спасти Хранителя Гармонии — крепкий, густой, до черноты прокипячённый чай, который Вседержитель

жадно прихлёбывал мелкими глоточками, обжигаясь и шипя, то от кипятка, то от боли, то от нестерпимого унижения. Впрочем, одежду удалось спасти, но лишь благодаря лихорадочной поспешности, с которой были сдёрнуты прочь её отдельные части, о названиях которых Всемогущему не то, что говорить, даже и думать казалось неприемлемым и удручающим. Очень ему хотелось, чтобы, когда будут верстаться анналы истории космоса, эта страница была бы пропущена, исчезла, ни в каком виде не достигла потомков, и не повлияла бы на их неокрепшие умы. Мысль о потомках заставила его отвлечься от неприятностей, показалась необычной, перспективной и привела в движение всю его совокупную интеллектуальную мощь. В эту ночь, сидя на корточках под разверзающейся над его головой тёмной пропастью, Ванавади осознал неизбежность возникновения во Вселенной жизни и закономерность развития этой жизни в ходе непрерывного эволюционного процесса. Он прозрел тяжкую поступь смены одних видов живых существ другими, колоссальный размах влияния крошечных микроорганизмов на формирование целых планет и континентов. А также масштабы биохимических трансформаций в пределах звёздных систем и невероятные объёмы энергоинформационных сетей, проросших сквозь галактические скопления и соединяющие их волокна — филаменты.

Несколько, конечно, огорчала странная рассеянность, которая привела к тому, что он столь опрометчиво упустил из виду и расширение Вселенной, и зарождение в ней жизни, и распространение болезнетворных бактерий. Но в целом открывшаяся картина вызывала подъём духа, вдохновляла на новые поиски и продолжение путешествий. Она вселяла гордость и уверенность в собственных силах и вообще — радовала.

— Вот ведь сколько всего можно создать и обнаружить, стоит только по-настоящему захотеть, — несколько самодовольно приговаривал он, прислушиваясь к неопределённому урчанию, происходившему несколько пониже груди, и пытаясь разобрать смысл сентенций, сообщаемых ему внутренним голосом. Но внутренний голос ни на чём определённом не останавливался и стал окончательно невнятен и неразборчив.

Inquisitio tertio — До-знание третье

С некоторых пор Вседержитель стал везде и во всём видеть воду. Вот так вот сядет, утомившись после долгого перехода, похлопает у себя подмышками, ладони потрёт — вода. Начнёт расшнуровывать ичиги, разматает онучи, помнёт их, расправит, положит на колени, водит по ним руками — вода. Станет пить чай из старого кожаного кисета, носом поводит, губами поплямкает, пальцем тронет — вода. А ещё вода, когда плачешь. Когда плюнешь в сердцах. Когда иней соберёшь с одежды, с лунной стороны, а он растает. Ну и так далее...

— Наверное, всё в мире превращается в воду, когда ему подходит конец, — печально говорил он, утомлённо развалившись под сизоватыми кольцами ароматного дыма своей трубки, — наверное, всё сущее рано или поздно уходит в воду. И, конечно же, из воды оно и приходит. И в этот миг Создателя осенило: ведь ясно же, что если всё в мире приходит из воды, то и его тайный недоброжелатель, злокозненный вредитель, пожиратель удовольствий и нарушитель благоденствия тоже является из воды. План действий был составлен немедленно.

— Эй ты, негодный! Не знающий ни о совести, ни о приличиях. Испортивший наш сон, похититель волшебной Чашечки! Предстань предо мной. Не смей далее таиться. И объясни нам, что нужно тебе от нас и зачем ты так нехорош?

В руках прямо перед собой Ванавади держал полную шапку воды и совершенно о той шапке не жалел, ибо только глупый жалеет средств для достижения желанной цели.

— Явись! — велел он сурово, решительно наклонился и дунул в собственное отражение. Отражение разбилось на тысячи кусков, на тысячи бликов, исказилось, запрыгало, и тут позади, вкравшись чем-то чёрно-красным в пляску крохотных дребезжащих волн, нечто задвигалось и засуетилось. Густой пар повалил из шапки, раздался могучий дробный топот и откуда-то сзади выбежал, пахнув тёплым ветром, некто в развевающемся плаще и алых шароварах. Некто обежал вокруг Вседержителя несколько раз и густым внушительным голосом стал выкрикивать:

— Эй! Это не тебя ли кличут Великий Белый Прахта Ванавади?
— И в этот момент Ванавади осознал, что он белый. — И не ты ли здесь создаёшь Мироздание? И не от твоих ли неосторожных мыслей и желаний произошли Солнце и Луна, которые нарушили покой вечности и прекратили плавность течения небытия?

— Это — Я, — ничуть не смутившись, отвечивал Отец Вселенной, поправляя на груди шерстяной шарф. — А ты кто?

— Я — Пахта Хара-Мулатар. Я — Малое лицо Несбывшегося, Посланник Неслучившегося, Око того, что не имеет судьбы. По жилам моим струится недолжное, в руках и плечах моих сила неизвестного. Я явился, чтобы объявить тебе о том, что ты никому не нужен!

— Передай, почтенный Пахта, этому Никому, — с неподражаемым достоинством отвечивал Ванавади, — что и мне он совсем ни к чему. Я здесь хожу уже множество лет, ищу нечто, что стало бы светочем Нового Мира, позволило бы отделить основное от второстепенного и возжечь светильник всеобщего изобилия. А ты всё портишь и украл мою благодать, — тут он не удержался и желчно добавил: — И чашечку. Не обольщайся, коварный, мне известно твоё тайное имя, я прочёл его из твоих нечистых замыслов и повелеваю: — Удались навсегда, негодный Атхарп!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — громко захохотал Хара-Мулатар, — какой же ты надутый и самонадеянный... — он запнулся и немного смягчился, — ...юноша. Пусть даже ты и Светел, и Велик, но ты здесь ещё только создаёшь Вселенную, а Я — Тёмный Пахта Хара-Мулатар, Тайный зов Несуществующего, был здесь всегда.

— А Я... а Я... Я зажгу здесь множество огней, всё наполнится светом, и таким, как ты, Чёрно-Красный, вовсе не останется места! — воскликнул уязвлённый Прахта. — Мы будем биться с тобой! — и он выдернул из-за спины свою прекрасную, разящую, дивную саблю.

— Эге-гей!!! — воскричал Хара-Мулатар, и выхватил из воздуха прямо перед собой свой острый, грозный, тёмный как ночь клинок.

Они сшиблись, их оружие запело и засверкало. И там, где оно столкнулось, от светлой сабли сорвалась и полетела в бездну звезда, а от тёмной отскочила и распахнула для мира свои страницы книга.

— О! Что это? — воскликнул потрясённый Потрясатель Миров.

— Это, Враг мой, момент истины! — отвечивал ему его разъярённый противник. И тут закипела такая битва, что её невозможно даже никак описать.

Оглушительный звон и грохот кощунственно нарушили величественный покой вечности. Поднялся ужасающий топот. Сабли скрещивались и извивались, словно змеи, обезумевшие от переизбытка яда и желчи. Пыль повалила столбом. Затрепетали и сотряслись ни в чём не провинившиеся окрестности. А Солнце и Луна, в мгновение ока переменявшись местами, встревожено приплясывали, бестолково уставившись на творящееся под ними безобразие, глумливо запутавшее их предвечный ход. Лбы поединщиков наморщились, глаза покраснели, пар повалил от разгорячённых тел, их лица исказились недостойной даже для смертных неприязнью. Так бились насмерть Пахта и Прахта, и гнев их никак не унимался. Надо ли говорить здесь о том, что в своём самозабвенном неистовстве позабыли они и о самих себе, и о том, о чём должен помнить каждый достойный, и о времени, позволительном для уклонения от благородных обязательств. Но наступил, наконец, и для них момент, когда стали они замечать, пока лишь самым краем бокового зрения, что, как будто бы, что-то не так стало вокруг. Не сразу смогли они отвлечься от пылающих неукротимым пламенем костров злонамеренности. Не вдруг сподобились, умерив ретивое, оборотить прояснившиеся глаза к миру. Но остановились ревнивцы, смахнули пот, отдышались, и увидели, и осознали, что бьются они посреди необъятного простора, исполненного книг, смыслов и звёзд.

Inquisitio quartus — До-знание четвёртое

Немало светил зажглось и погасло с тех пор, как грудью о грудь ударились Великий Белый Прахта Ванавади, создатель всего сущего, и Ужасный Тёмный Пахта Хара-Мулатар, водитель несносного. Если бы можно было возить их ярость на верблюдах, то караван тех верблюдов выстроился бы от самых белогривых

гор до глубокого жёлтого моря... да и то это был бы только хвостик от того каравана. Немало густых и крепких ворсистых ковров, ярких, как оперение птицы Гуюк, превратилось с тех пор во прах. Немало младших годами братьев у трона зарезали своих царствующих единоутробцев. Несчётное количество плова и лепёшек истребили с тех пор мужчины за разглагольствованиями на краю прохладного в полдень арыка о чудесах верности, коварстве измены или первородстве яйца. Сердца возгорались любовью и остывали. Наливались спелым зерном колосья и опадали под гибельным ветром. А Величайшие как заспорили между собой на мечах, так и не останавливались.

Но всё на свете имеет свои пределы. Догадался в конце концов Источник немислимого, Ревнитель неисполнимого, что не одолеть ему просто так Светозарного Созидателя, и решил он, что надо бы зайти с другой стороны.

— Послушайте! — крикнул Коварный, отмахиваясь саблей от могучего удара. — Друг мой! Не наскучила ли Вам вся эта чехарда?

— Нисколько, Друг мой, — отвечивал ему соперник, уворачиваясь от глубокого ответного выпада. — Но недурно было бы и обстановку переменить, что ли...

— Вот и я к тому же, — продолжал Хара-Мулатар, набегая сбоку, — не соблаговолите ли принять моё скромное, но почтительное предложение отведать сытного и ароматного и запить его хмельным и прохладительным?

— Не откажусь, Уважаемый. При условии, что гвоздики и кардамона не будет в переизбытке, — отвечивал Ванавати, выкручивая хитрым финтом руку противника.

— Стало быть, я распоряжусь? — опустил оружие Красно-Чёрный, ставший за время сражения буро-серым.

— Не стану возражать, — забросив клинок в ножны за спиной, раскланялся Белый Прахта, успевший за то же самое время обернуться серо-пегим.

И во Вселенной, наконец-то, наступил мир.

Не успел ещё остыть пыл сражения и развеяться дым пожарищ, а чудеса уже тут как тут. Явился огромный шатёр неопикуемой красоты, весь расшитый шёлком и бисером, с большими кистями

по углам и поверху, ладно скроенный, волшебных пропорций, хоть кое-где и потёртый. Пахнуло изнутри зирой и шафраном. Какая-то птичка засвистела, затейливо и мелодично, а после зазвенели серебряные бубенчики, да так грустно, так светло, будто вернулись стародавние времена и ожидает Ванавади в шатре его нежная, добрая, возлюбленная чашечка, возвратившаяся к прежним, счастливым размерам.

Стряхнув с себя призрачное наваждение, Вседержитель шагнул внутрь и вовсе растрогался. Всё здесь было, как он любил, никакого Солнца и никакой Луны с их несносными жаром и холодом. Никаких загадок и неясных примет. Только тепло, уют и домашний покой. Мягкий свет распространялся от неярких цветных фонариков, расставленных и развешенных то там, то сям. Сверху живописными складками свисала приятная глазу кремовых оттенков кисея, деликатно рассеивающая их лучи.

В глубине купались в сумерках расписанные батальными и пасторальными сценами ширмы, стыдливо укрывающие приватные подробности быта. А посередине накрытой коврами площадки, ограниченной с четырёх углов резными полированными столбиками, выступало невысокое круглое возвышение, сплошь уставленное драгоценными блюдами, соусниками, вазами и кокотницами, наполненными столь соблазнительной снедью, что оставалось лишь развести руками и сглотнуть мгновенно набежавшую слюну.

— Вот те раз... — произнёс Создатель и опустился на корточки подле открывшегося манящего волшебства.

— Ну что ж, приступим, — подрагивая расширившимися ноздрями, пророкотал довольный Хара-Мулатар, пристраиваясь напротив и погружая собранные щепотью пальцы в дымящуюся гору янтарного рассыпчатого плова.

— ...из-несть... — что-то невнятное провозгласил Ванавади, стараясь заглушить рвущееся наружу утробное урчание — ...ирить-ма... — и безрассудно окунулся в чьи-то крохотные подёрнутые тёмно-оранжевой корочкой мясистые тушки, тонущие в густых пучинах всё ещё побулькивающего соуса...

Чай был таким ускользающе-терпким, таким безнадежно сентиментальным, и в то же время таким пространно-умиротворяющим, что казалось, будто и не шатёр вовсе над головой, и не гора объеденной, потроганной, надкушенной пищи

возвышается напротив, но зятая таинственным вечерним туманом долина снов вздыбливается кое-где невесомыми прозрачными сопками на грани полурастворившейся яви. Блаженство окутывало Создателя от самых тонких колечек закурчавившихся под благовонным теплом волос, до самых кончиков поджатых от удовольствия пальцев на ногах.

Так он и заснул, выронив из рук белую, с тонким золотым ободком пиалу. И оставшийся в ней крохотный глоток печального совершенства впитала в себя ворсистая бездонная пропасьть ковра.

Пробуждение стало похожим на состоявшуюся блажь. И тонкое масло, и тёмный кофе, и невесомая сдобная мякоть круассанов. А после — тихая умиротворяющая музыка на грани слышимости, точёная палисандровая ванна, полная горячей влаги и размякших розовых лепестков. А ещё — ласковые, предупредительно-бесстыдные руки разнокудрых, нигде и ничем не прикрытых дев, скользких, словно жаркие вождедения.

Бо-о-о-м! Это гонг прозвучал, призывая к обеду.

Inquisitio quintus — До-знание пятое

Так и потекли, без печалей и без забот, невесомые, словно моль, дни беспечного безделья. Вседержитель незаметно для себя пристрастился к танцам, картам, кальяну и к развязным утехам дамского общества. Взаясь разбираться в сортах вин и табака и даже, одно время, тяготился приступами сплина, но тут явился, как всегда к месту, милый друг, несравненный враг, весёлый и грозный, как в играх так и в сражениях, ближайший советник и правая рука, и принёс утеху столь занимательную, что все прочие были либо вовсе отринуты, либо изрядно отодвинуты прочь. Чтение, как бы невзначай предложенное ему Хара-Мулатаром, заполнило и подчинило всё. Книги проглатывались одна за другой, но не было им конца. Различные времена, события, нескончаемая смена племён и ландшафтов, парадоксальное

столкновение тем и вещей, характеров и причудливых судеб, всё это тревожило и волновало, не отпускало от себя, будило сомнения и вопросы, а после, когда последняя страница уже переворачивалась, казалось таким знакомым, таким родным и неотделимым от собственных мыслей и дней, что нестерпимо хотелось продолжения. И продолжение неизменно следовало.

Великий целыми днями проводил время на софе, обставившись фонариками поярче и обложившись книгами, так что за их циклопическими завалами видно было лишь его заострившийся от любопытства и аскетического образа жизни нос. Иногда он вскакивал, торопливо подбегал к столу, быстро выхватывал из толпящихся на нём яств что-нибудь случайное, быстро насыщался или, напротив, надолго застывал с набитым ртом, устремив глаза в неизвестность, чисто механически двигая челюстями. Он что-то пробовал писать сам, даже завёл для того специальную конторку в дальнем закутке между ширмами, но как-то не пошло, не заспорилось. Читать было намного увлекательней. Он стал серьёзным критиком, сравнивал сюжеты и характеристики персонажей, подсчитывал количество слогов и ударений, преследуя извивы темпо-ритмических гармоник. Углубился в исследования мотиваций и теорию психологических типов. Нередко можно было увидеть его окружённым маленькой стайкой раздетых или полуодетых красавиц, которым он проповедовал только что открывшиеся его пытливому рассудку особенности поэтического строя повествовательных периодов.

— Не следует слишком увлекаться помещением персонажа в обстоятельства благополучные или вовсе счастливые, — говорил он, наставительно подняв измазанный хурмой палец. — Ведь в таком случае автору не останется ничего, кроме скрупулёзных исследований внутренних коллизий психики индивида полностью удовлетворённого, его внутреннего мира, лишённого конфликтов и развития, искусственным образом ограждённого от кризисов и испытаний. Нет сомнений в том, что и такое положение персонажа может стать источником нашего пристального внимания и интереса. Ведь гармоничные отношения личности со средой и с самим собой вовсе не лишены содержания. Но! Стоит заметить, содержание это будет типичным и однообразным. Счастливые люди похожи друг на

друга как отчеканенные под одним прессом монеты. Когда мы описываем персонажа благополучного, мы в то же время описываем и всех подобным образом благополучных субъектов. Чтобы разогреть читательский интерес, дать читателю пищу для ума и сомнений, заострить его внимание на переменах сюжетных обстоятельств, нам необходимо вытряхнуть нашего героя из его розового, комфортабельного убежища и подвергнуть страданиям, горестям и лишениям.

Иногда лишь какая-нибудь одна из особо утончённых красавиц позволяла себе чувствительно всплакнуть над горестями несчастных влюблённых или тяжестью доставшихся кому-либо из героев испытаний. В этом случае Снисходительный Ценитель обращал к ней полный наставительного соучастия взгляд, принимал, расправляя плечи, самый авторитетнейший вид и был готов просвещать вплоть... вплоть до самого обеда.

— Кое-кто станет пытаться вызвать у нас так называемое сочувствие к так называемым персонажам, — терпеливо увещевал он, — напоминать об ответственности и нравственных качествах творения. Разглагольствовать о предосудительной жестокости. Но можем ли мы, поддавшись соблазну сентиментализма, совершить ужаснейшую, непростительную для просвещённого читателя или автора ошибку? Можем ли мы, изменив изысканному, квалифицированному вкусу, отринуть необходимость соблюдения законов жанра? Верность принципам правдоподобного развития характеров. Ведь совершенно непозволительно, к тому же, для любого интеллектуально развитого человека, ожидать от мира, а тем более литературного произведения, некой, с позволения сказать, «справедливости».

Вздох, проносящийся при этих словах по рядам его потрясённых слушательниц, он склонен был трактовать особым образом.

— Вы должны научиться спокойно относиться к далёким от вас, или даже вымышленным кошмарам. Чаще всего они являются лишь данью определённым эстетическим конструкциям и не должны вредить вашему сну и аппетиту. Здесь и сейчас! Здесь и сейчас, — провозглашал он, не забывая при этом заглянуть в висящее неподалёку зеркало.

В такие моменты девицы пожирали Вседержителя влюблёнными взглядами, тянулись к нему, словно бабочки на огонь, пытались дотронуться, склонить к ласкам. Но он, возвышенный и неумолимый, чувствуя себя воплощением прогрессивного государя посреди вверенных ему подданных и наложниц, оставался твёрдым ревнителем долга и просвещения и отбывал на софу для продолжения интеллектуальных упражнений.

Иногда в шатре объявлялся возлюбленный Враг, обычно занятый какими-то непрерывными, известными только ему, неотложными делами. В такие дни Ванавади, мучимый любопытством, часто приступал к нему с расспросами. Откуда берутся все эти книги? Откуда все эти наполняющие их люди и вещи? Пейзажи, города, растения, дикие и ручные животные? Драгоценности, чувства, тайны, стихии и удовольствия? Кто сочиняет всё это, так искусно и разнообразно? И где обретается волшебный источник столь увлекательных волнений и сведений. Обычно в ответ на это Пахта Мулатар загадочно улыбался, пожимал плечами, призывал отведать новых напитков, намекал на небезграничность терпения юных прелестных созданий, и всё прочее в таком же духе.

Но однажды он вошёл к Ванавади без стука, оглядел его испытующе, и довольно сухо, без обычной приятной улыбки сказал:

— Не желаете ли Вы, друг мой любезный, выйти да прогуляться?

Поначалу Создатель бросился было обнимать милого друга, хотел ликовать и радоваться, но, овладев собой, сделал приличествующий обстоятельствам жест и с достоинством отвечал:

— С превеликим удовольствием, Ваше предложение как нельзя кстати.

— Рад нашему неизменному взаимопониманию, — всё также прохладно заметил Пахта, и они отправились.

Бешено всхрапнули кони... где-то заплакала, залопотала сойка, и от этого невнятного негромкого крика вдруг занялось повсюду невнятное неяркое свечение. Занялось, заколыхалось. Из какой-то нестерпимой глубины вытянулся вдруг недлинный, поначалу неприметный отросток, без вида, без размера, без запаха, совсем вдруг потерялся, канул внутрь себя, вывернулся, и пошёл, пошёл разворачиваться, ввинчиваться, вкручиваться в

небытие, помимо бытия, помимо звёздного горизонта и поверх него, и под, и от, и до...

Одно лишь только движение сделали наши герои вперёд к распахнувшемуся им навстречу светящемуся проёму, как тут же чуть пахнуло пылью от всколыхнувшегося полога, расступилось, приподнялось, расправилося... Прянули во все стороны жаркие да звонкие радуги, нахлынули звуки, краски, и открылся неохватный простор.

Не успели они пройти и десяти шагов, как потрясённый Вседержитель, остановившись словно вкопанный, стал крутить в разные стороны головой, хлопать себя по коленям, и всячески изумляться. Да и было чему.

Тёплое солнце заливало окрестности мягким спокойным светом. Покрытая свежей весенней зеленью долина расстилалась кругом на все четыре стороны, пересечённая кое-где манящими лесной прохладой сосновыми борами и берёзовыми рощами. Неторопливая река струила свои насквозь пронизанные солнечными лучами воды между невысоких приветливых склонов. Среди густых, дурманящих ароматами трав сновало множество всяких затейливых существ. За рекой паслись коровы. Вдалеке, слегка затянутые воздушной дымкой, угадывались очертания невеликого городка. А в тронутых редкими невесомыми облачками небесах неправдоподобно легко парила далёкая ширококрылая птица.

— Откуда взялось это чудо? Что это? — не в силах сдержать рвущегося наружу восторга вопрошал Ванавати.

— Это Вы, милостивый государь, — Ваше творение.

Inquisitio sextus — До-знание шестое

Более всего Вездесущего поразила парящая птица. Пока он смотрел на неё, у него совсем закружилась голова, распахнулся от изумления рот и упала в траву потерявшая равновесие шляпа. Он тут же, попятившись, наступил на неё, но ничего не заметил и продолжал, помавая в воздухе широко разведёнными руками, всё дальше и дальше отступать в самую гущу буйного разнотравья.

— Вот это вот... вот это, такое... такое вот... — проводя птицу широко раскрытыми глазами, почти выкрикивал он, — Это моё творение?

— Несомненно.

— Но как? Когда? Почему? Каким образом?

— Видите ли, мой доверчивый друг... Вспомните о книгах, что я Вам приносил... Всё дело в них, в известных Вам книгах.

— В книгах? В тех баснословных сочинениях, которыми я здесь ненадолго увлёкся?

— Ну, так уж и баснословных, — явно обиделся Чёрный Пахта, — так уж и ненадолго. Четыре, знаете ли, с половиной миллиарда лет прошло.

— Но при чём здесь книги? Какое они имеют отношение? Ведь Творец — это я. Я! Я — автор, я — Созидатель!

— Вы. Вы, конечно же, Вы, мой друг, вот в этом-то вся и беда, — сокрушённо приговаривал Хара-Мулатар, расставляя в тени у ближайшего дерева пару складных табуретов. — Прошу Вас, присаживайтесь!

— Пока мы с Вами дрались, — начал он, уже рассевшись и расстегнув на груди редингот, — Вы так отчаянно и так безрассудно размахивали своей саблей, что, прошу меня извинить за неловкий эвфемизм, столько «понарубили» ею из моего Клинка Небытия всяческих сюжетов, историй, замыслов и концепций, что я поначалу даже и не знал, как с этим можно справиться. И только потом, уже по прошествии некоторого времени, мне, наконец, удалось найти одно довольно остроумное решение. Не желаете ли закурить? Нет? Ну, как хотите. Так вот, в решении этом, мне, как ни странно, поспособствовало само развитие этого Вашего, будь оно неладно, так называемого «бытия». Время шло, космос эволюционировал: гигантские протозвёзды взрывались, сталкивались, разбрасывая вокруг себя материю и энергию; извергали из своих недр всё более сложные и удивительные вещества; превращались в туманности и новые звёзды, что, в свою очередь, взрывались, обрастали планетами, собирались в галактики и носились туда-сюда по пространству; притягивались друг к другу, росли, сливаясь во всё большие массы, сворачивались в чёрные дыры и, наконец-то, снова уходили в Небытие. А книги тем временем группировались, разбирались

по жанрам и стилям; объединялись в серии, собрания сочинений; разделялись по языкам, алфавитам и видам печати, искали своих авторов и издателей. Они выстраивались в длиннейшие струны-цепочки, невидимыми нитями опутывая мироздание и тем самым цементируя принципы его устройства. Они текли сквозь шаровые скопления и океаны разреженной плазмы, повсюду отделяя вокруг себя порядок от хаоса, а интенцию от энтропии. Они жаждали воплощения, и неустанно искали того, кто мог бы их применить. Они возбуждали в только что появившихся первых разумных существах жажду познания и мечты о невиданном. Они призывали, развлекали, вдохновляли надеждой, пробуждали мечты. Они осуществляли выстраданные, выношенные в обеспокоенных сердцах замыслы. Они создали в Вашей вселенной гравитационное поле добра и любви, разбудили сочувствие и милосердие, и теперь Ваша Вселенная наполнилась истинным содержанием и стала медленно, но неуклонно выстраиваться в благоприятный для возрастающего сознания универсум.

Книги стремились к библиотеке, они нуждались в убежище и уходе. Им необходимы были стеллажи и каталоги, шкафы и читальные залы, столы и светильники, лестницы и галереи, и Библиотека возникла. Она была образована книгами. Она сложилась — срослась из книг, как закономерный, неизбежный этап их эволюции.

— Я ничего этого не знал, — ошеломлённо пролепетал Ванаводи, пытаясь пристроиться к шаткому табурету, — мне казалось, что книги — это просто книги. Они забавные.

— Ещё бы. Вы ведь читали только то, что представлялось Вам «интересным», достойным Вашего озабоченного поисками развлечения внимания.

— Вы хотите сказать, что всё то, что я в них прочитывал, становилось явью?

— Ну, не всё, конечно, и далеко не всегда, но в общих чертах — да, Вы правы.

Потрясённый, Прахта покраснел, потом побледнел, вскочил и заметался среди шипастых стеблей чертополоха.

— Я осуществлял несбывшееся, прочитывая о нём в книгах, — воскликнул он, — потому, что эти книги... эти книги —

первичные элементы, или какие-то осколки, фрагменты безначального вездесущего небытия?

— Конечно. Вы так привыкли к ним, что совсем перестали замечать, совсем забыли, а может быть, и вовсе не обратили внимания, что книги эти составлены из рассказов о вещах небывалых, слеплены из предметов невозможных, толкуют о том, что не состоялось, и связывают сети из событий, никогда и нигде не происходивших. Каждая из них — это целый узел, узор небытия, искра отсутствия, отскочившая от беспредельного монолита истинной бесконечности, в которой есть всё, но нет ничего. Но Вы — мой любопытный товарищ, мой вечно кстати и некстати обеспокоенный визави, Вы посвятили им своё вдохновение. Вы наполнили красками эти строки, насытили повествования соком и страстью, возмутили их своим неуёмным воображением и тем самым перетащили их в свою... В нашу реальность.

Выговаривая всё это, Хара-Мулатар напустил на себя такой важности, так насунился и так приосанился, что вовсе перестал замечать, кому это всё рассказывает, и вещал уже скорее для сновавших среди камней ящериц и кружащихся стрекоз.

— Смотрите — долгоносик, — сказал вдруг Ванавати и пал на четвереньки. — Я знаю, я знаю, здесь неподалёку должны быть пшеничные поля. Он, верно, оттуда, нечаянно сюда забрался.

— Вечно Вы всё путаете, — снисходительности Пахта, казалось, не было предела, — долгоносики живут где попало, а вовсе не на пшеничных полях. — Но Прахта оставил это замечание без внимания.

— А вот ещё жучок. Смотрите, какой яркий, и с чёрными кружочками. Представляете, его в мою честь назвали — божьей коровкой.

— Господи, — в полном изнеможении пробормотал Хара-Мулатар, — а ведь этого субъекта уже столь многие полагают Спасителем.

Но его уже не слушали, божья коровка была бережно снята с берёзового листка и высоко поднята на ладони к небу, чем и не преминула воспользоваться для незамедлительного бегства.

— Ну что же, — сухо произнёс Пахта, брезгливо сбивая перчаткой с рукава некстати забравшегося туда муравья. — Я вижу, Вы совершенно собою довольны. Но, может быть, мы

несколько отвлечёмся от всех вышеперечисленных прелестей и обратим наше внимание на другую, не менее занимательную сторону вещей? На их, так сказать, оборот. Взгляните, взгляните вот сюда, где веточка оттопыривается, — видите? Да уж и рассмотрите получше, приблизьте предмет, увеличьте детали, немного добавьте резкости, — это ведь, Всевидящий, вполне в Вашей власти.

И когда Ванавади, пристально всмотревшись в происходящее, слегка побледнел, не удержался от комментария:

— Вот, извольте: ёж доедает мухоловку, между тем как у неё у самой, прошу заметить, брюшко полностью набито несчастными жертвами её appetитов, вот...

— Боже, какая жестокость, — прошептал потрясённый Вседержитель.

— Что Вы говорите, — казалось, иронии Пахта не было предела.

— «Жук ел траву, жука клевала птица, хорёк пил мозг из птичьей головы, и страхом перекошенные лица...», — процитировал он, скроив такую гримасу, будто и сам кому-то клевал мозг.

— Но ведь все эти страдания малых существ оправданы необходимыми эволюции изменениями, которые в конечном итоге неизбежно ведут к появлению существа, наделённого разумом, пониманием справедливости. Существа прогрессивного и следующего по пути добра и установления высшего мирового порядка. — И Ванавади сделал обеими руками приличествующий сказанному величественный жест. Но после, чуть смутившись, добавил: — Во всяком случае, я об этом где-то неоднократно читал.

— А не желаете ли Вы, Достопочтенный Прахта, искусный создатель изысканного, Ревнитель высокого вкуса и Предводитель прекраснодушных грёз, самолично удостовериться в качестве произведённых Вами экзерсисов? Так сказать, окунуться в гущу реальности.

Что-то настолько многозначительное вдруг объявилось при этих словах в лице у Глашатая неожиданностей, что его выражение легко смогло бы стать предметом разночтений для всех восьми мудрецов Высокого Дивана.

— Книг бесконечное число, и они описывают всё, что только может быть, или вовсе быть не может. Но не просто так,

а в самых различных вариантах, вплоть до взаимоисключающих. В них описаны также и все последствия того, что может произойти, во всех мыслимых и немыслимых сочетаниях. Вы, мой друг, выбирали то, что казалось Вам наиболее интересным. А всё прочее откладывали в сторону. Всё могло бы быть иначе, совсем иначе, Мой Друг. Но именно так и родился тот мир, который мы знаем. И который я теперь приглашаю Вас осмотреть.

Неловкое молчание на некоторое время повисло после этих слов в воздухе, словно кто-то ушёл и напоследок не попрощался.

— «Неважный мир Господь для нас скропал», — неприятным фальцетом скандировал Пахта, а к концу фразы и вовсе сорвался и зафальшивил.

Позднее солнце уже склонилось к закату. От реки потянуло сырой прохладой, и нестройно звенящая армада комаров бросилась к путникам, предвкушая радости насыщения.

Долина оживала, наполнялась подозрительным копошением и озабоченной суетой.

Inquisitio septimo — До-знание седьмое

*«Где-то в глубине своей тёмной и бессодержательной души
каждое небытие тайне мечтает о свершении и любви».*

Анонимный пророк Господа Простодушного.

Отсюда и началось это удивительное, полное невероятных прозрений, но горькое и сокрушительно-безрадостное путешествие. Может быть, последнее в долгой череде походов, предпринятых Добрым Создателем, ради любопытства и прелестей совершенства, а, может быть, и первое в свете наступления новых времён.

Они бродили повсюду и проникали везде. Да и кто смог бы их удержать или что-либо скрыть от этих двоих. Им были открыты и дворцы, и хижины, казармы и дома нескромных увеселений. Все тайны и хитросплетения человеческих судеб лежали перед ними, как лежат на детской ладони стёклышки из сломанного калейдоскопа.

Им доводилось стоять на балконах и трибунах среди торжествующих победу вождей, когда рукоплещущая толпа,

совершенно потеряв от восторга разум, ревела и колыхалась, словно волна прибоя, выбрасывая над собой пену знамён и вскинутых в приветственных жестах рук. А после склоняться над окровавленными телами бывших победителей, зарезанных, замученных бывшими побратимами.

Они шли от битвы к битве, изумляясь блеску начищенной стали, что затмевал собою блеск восходящего солнца. Они поражались благородству возвышенных проповедей, которые собирали вокруг новых пророков многотысячные армии из людей, поражённых до глубины души словами высокой поэзии и невиданной справедливости. А после наблюдали, как разбредались по разорённым землям больные, израненные, ожесточённые десятками битв солдаты, превращаясь в диких скотов, отбирающих последние крохи хлеба у случайно выживших стариков.

Они шли рядом с отважными, обречёнными на смерть, когда те внезапно встречали явление невероятного чуда и становились героями восходящих над пеплом империй. И слышали хор шакалов, рыщущих в поисках человечины, на развалинах некогда шумных гостеприимных городов.

В госпиталях и приютах Ванавати и Мулатар стирали окровавленные повязки, щипали бесконечную корпию, меняли протухшую солому под изувеченными, заживо сгорающими от внутреннего жара. И всюду слышали слова мольбы и надежды, и Создатель прятал глаза и всхлипывал, так как понимал, что не сможет помочь каждому, ибо не силах уже изменить свой собственный замысел.

Они пытались искать возвышенное в тихой и незатейливой любви «простых людей», в их честных и искренних отношениях, и находили его везде и повсюду, но неизменно приходил срок и, словно по мановению крыла чёрной птицы, сердца поражались завистью, ложь, словно ржавчина, разъедала всё, что было создано с таким тщанием и теплотой, и «добрые люди» превращались в чудовищ с искажёнными алчностью и затаённым недоумением лицами.

И умирали, умирали, умирали от нестерпимых страданий, унижения, голода.

— Что же это? — однажды в отчаянии еле слышно прошептал Ванавати, — неужели из этого лабиринта нет никакого выхода? Неужели всё это так и будет без конца повторяться? Ведь дело вовсе не в том, что так — интереснее, чем было бы иначе.

Но Мулатар услышал его.

— Это всё Ваше Бытие. Оно не может существовать без движения. А движение всегда порождает страдание, — также тихо отвечивал он.

— Это неправда, — вдруг ясным, звонким голосом сказал Ванавати, — неправда! Страдание — это лишь незначительная, крохотная возможность, спрятанная внутри бытия. И она вовсе не должна быть такой навязчиво неизбежной.

— Что же, возможно, Вы и правы. Но тогда в чём же дело? Отчего же тогда не создали Вы какой-то иной жизни, иных судеб, лучшей доли?

— Я много об этом размышлял. Мы с вами многое вместе пережили, Хара, и мне кажется, что мы ошибались. Очень во многом ошибались. И мы вовсе не так совершенны, как нам казалось когда-то, Друг Мой! И ещё я думаю, что мне не удалось создать чего-то лучшего просто потому, что я ещё очень многого не знаю.

— Простите, Мой Друг, но у меня есть к Вам ещё один вопрос, который мне давно хотелось Вам задать, но всё как-то не клеилось. Скажите: вот Вы вмещали в своём воображении всех этих людей, все эти судьбы, все эти причудливые комбинации дружбы, вражды, радостей и несчастий, но как Вы себе представляли, что они станут делать после того, как закончится это грандиозное представление?

— Ну, мне казалось, что все они должны где-то вместе собраться и... — он замаялся, — и что-нибудь такое весёлое танцевать...

В этот момент какое-то непередаваемое выражение изменило черты Чёрного Пахта, он вдруг порывисто шагнул к Ванавати и как-то смущённо, неловко, лишь поначалу попытавшись его обнять, взял в конце концов за руку и так держал некоторое время, пряча глаза и ссутулив плечи.

И они продолжали идти, восхищаясь, сочувствуя, негодуя. И всё больше и больше растворяя себя в скорби и сострадании.

Но любое путешествие рано или поздно подходит к концу. И, судя по всему, их путешествие также близилось к завершению. Это чувствовалось во всём. В непрерывной усталости, в том, что они почти перестали друг с другом разговаривать, а если и говорили, то лишь о чём-то крайне неотложном, да и то с неизменным раздражением. Отчуждение преследовало их по пятам.

И вот как-то морозной рождественской ночью, без сил, уже без всякой цели, они шагали по опустевшим улицам какого-то северного приморского городка, насквозь пробитого мокрым стылým ветром. Кутались в плащи, потирали озябшие даже в перчатках руки. И вдруг где-то в проулке, сквозь пелену вялой, но неостановимо текущей метели, они увидели яркий заманчивýй огонёк. Он горел некоторое время, как-то совсем тепло и празднично. Потом мигнул несколько раз и погас. И вновь загорелся с прежней силой, и вновь ненадолго. Они пошли на этот огонёк так, будто это была явлена им путеводная звезда. Потом скорее... Потом побежали. И что же? Они увидели сидящую под стеной, совсем-совсем скорчившуюся от холода девочку совсем-совсем маленькую, не больше десяти лет. В её посиневшей руке была зажата одна единственная крохотная уже почти догоревшая спичка.

— Я знаю, знаю эту девочку, — вскричал потрясённо Ванавати, указывая на неё пальцем. — Я читал. Это та самая девочка со спичками, из старой сказки одного чудака. Она пыталась ими согреться. Она умирала. И она ждала здесь меня! Меня!

— Боюсь, что не дождалась, — хрипло проговорил Хара-Мулатар.

— Но мы должны отогреть её, забрать в свой шатёр, накормить...

— Поздно, — сказал Хара-Мулатар, взяв девочку за руку и прощупывая пульс, — она умерла. Она умерла, воображая, что Вы вот-вот заберёте её к себе, Мой Друг, и подарите ей обещанное счастье. Всё, как в той старой истории, которая Вас когда-то так восхищала. Впрочем, подобным историям уже и нет числа.

— Я осознал. Я всё почувствовал и понял. Я готов немедленно испустить, — жарко всхлипывая Ванавати, обеими руками ухватив

Пахта за отвороты плаща. Он запинался, он частил, — всё что угодно, всё что ты скажешь... Мне так жаль, так жаль...

И тогда хмурый и как будто смотрящий куда-то внутрь себя Хара-Мулатар вытащил из-под полы средних размеров тёмно-синюю с твёрдым переплётом книгу и как-то нерешительно, со вздохом, протянул её Создателю.

— Ну что же, видимо, то, что должно произойти, рано или поздно, но произойдёт. Читайте.

Inquisitio continues — До-знание продолжается

Ванавади быстро читал, единым духом проглатывая целые абзацы, целые главы. Он в каждой строчке, в каждом повороте событий узнавал себя, собственное творение, собственную историю. Своего доброго Благосклонного друга. Но, чу, — вот оно, самое главное, то, ради чего он во всё это погрузался.

Библиотека снаружи выглядела абсолютно непримечательно. Ничего особенного, средних размеров чёрная дыра, каких множество плавают во Вселенной. Она пряталась в глубинах гигантского войда, что начинался от Стены Геркулеса — Северной Короны и простирался на многие миллионы световых лет до самых окрестностей Потока Харона. Никто и никогда не смог бы отличить её от других, точно таких же. Но это была лишь видимость. Безумцу, что рискнул бы очертя голову преодолеть её горизонт событий, открылась бы совершенно иная картина.

Это была неоглядная, беспредельная плоскость, угрюмо разграфлённая квадратами со стороной приблизительно в двенадцать с половиной метров, с узким невысоким кантом по краям каждого квадрата, грязная, истёртая, пропылённая. Атмосфера толщиной около двух с половиной километров необъяснимым образом держалась над этой равниной, позволяя тем самым существовать низким тяжёлым облакам, непрестанно двигавшимся сквозь тусклое розоватое свечение длинными неровными косыми валами. Всегда с одной и той же скоростью, всегда в одну и ту же сторону. В этих облаках не было ни капли

воды, казалось, что они состоят из одной только бумажной пыли. И всё шуршал и шуршал здесь, купаясь в этой пыли, никем и никогда не упокоенный ветер.

А под этой тошнотворно-однообразной равниной начинался скрытый её унылым покровом нигде и ни в чём себя не повторяющий лабиринт. Он уходил вниз, и вниз, и вниз, настолько, насколько способно было представить воображение, и ещё настолько же, насколько оно было неспособно. И там были только залы, галереи, стеллажи, столы и книги, книги, книги...

Библиотеке был необходим библиотекарь. Библиотека не могла существовать без библиотекаря. Ей нужна была его сила, его воображение, его способность чувствовать и переживать мир. Ей нужна была его жизнь. Вся без остатка. Так как никакая, даже и бесконечная жизнь не может исчерпать всей суммы возможностей, заключённых в том, что ещё не случилось.

Она терпеливо ждала, ведь библиотекарем не мог бы стать кто угодно, только тот, кто принесёт себя в жертву знанию, знанию вне пределов, вне концов и начал, вмещающему несовместимое. Он не должен будет, не сможет ничего осуществлять. Он будет лишён такой способности. Ему придётся «прорасти в вечность», как в прошлое, так и в будущее, отказавшись от собственного присутствия. Его настоящее исчезнет в бездне вневременья.

Но кто же способен на такое в здравом уме и при полном рассудке? Только тот, чьё сердце открыто предчувствию любви.

— Я должен, — невнятно всхлипнул Ванавати и замолчал.

— Погодите, погодите, мой юный друг. Может быть, мы ещё вместе сможем всё изменить. Мы обязательно что-нибудь придумаем, — Хара-Мулатар потянул к себе злополучный том, его глаза горели тёмным пламенем, он стал утрачивать контуры, чуть размылся в пространстве...

— Нет... — и Ванавати порывисто выхватил у него книгу, — во мне будто пробита какая-то дыра, лакуна. Все эти жизни, все эти судьбы, вся эта печаль... Увы, я не вижу иного продолжения.

Он ещё думал, что, наверное, нужно что-то специальное сделать, что-то такое, чтобы всё случилось. Чтобы не осталось

больше этого нестерпимого позора, горького чувства вины, жгущего свежим ожогом раскаяния. Но ничего не понадобилось. Книга вдруг вздрогнула, пошевелилась, заволновались её страницы. Она как-то сразу состарилась, пожелтела, пошла потёртостями, патиной и вдруг сама собой открылась там, где форзац. И на форзаце крупными печатными буквами, блёклыми, потускневшими, проступило — «Применено». И какие-то числа, через запятую. А немного ниже его собственным почерком — «Применяю». И подпись. Его же собственная — «Прахта В.В.».

Даже ничего и не дрогнуло, лишь продолжали двигаться над равниной длинными неровными валами низкие тяжёлые тучи, в которых невозможно было найти ни капли воды.

Казалось, что Чёрный Пахта обратился в камень и с его окаменевших губ упали каменные слова:

— Теперь Вы останетесь здесь. Вас никто никогда не посетит, Вам более не будут открыты просторы и краски мира. О Вас все позабудут, и с этих пор никто из живущих не узнает, где понапрасну проходит ваше злосчастное существование. Само собой, для Вас недоступны отныне ни радости творения, ни возможности каким-либо способом повлиять на Вами уже созданное.

В этот момент Ванавади, бросившись вперёд, всем телом наткнулся на невидимую преграду, которая теперь отделяла его от мира и от его коварного друга. Он больно расшибся, упал, расцарапал руки, сильно закашлялся, но более всего был ужасен холод, что охватил его в тот момент, когда он осознал всю глубину и неизбежность своей беспомощности. Он вдруг догадался, что этот холод будет теперь преследовать его всегда, куда бы он ни попытался спрятаться от него в этом пугающем своей равнодушной, нестерпимой тишиной месте. Он понуро сгорбился, совсем сник, и всё трогал и трогал горячими влажными пальцами несокрушимую прозрачную стену.

— Надеюсь теперь, что здесь Вы осознаете всю глубину своего падения, всю тщету и жестокость содеянного Вами безнравственного «подвига»? Времени для этого у Вас отныне будет более чем достаточно.

Где-то далеко наверху уныло подвывал неупокоенный ветер, тихо шуршала под ногами, что-то неприметно обустроивая, мёртвая, но прихотливо подвижная пыль. Розовые сумерки текли и текли в безнадёжность.

— Но как же так, ведь Вы же — Друг Мой, — всё ещё на что-то надеясь, беспомощно произнёс растерянный, сокрушённый Ванаводи, часто моргая от обиды и огорчения. — Неужели нет ни малейшего выхода, только расплата и воздаяние. А девушки, тёплый халат, ароматные соли... куриные крылышки под соусом бешамель...

— Всё кончено, мой друг, — нарочито сурово ответил Хара-Мулатар, — за всё придётся платить.

И маленький несчастный Ванаводи удалился в глубину нескончаемого лабиринта, в котором ему суждено было отныне провести целую вечность.

А коварный Хара-Мулатар отправился в свой шатёр, обвёл незрячими сухими глазами его опустевшие, остывшие, осиротевшие покои, сел, снял шляпу, развязал и скомкал в руке шёлковый шейный платок и так напился, что на следующее утро, очнувшись посреди какой-то безымянной глинистой пустоши, так и не вспомнил, кто он, откуда, как сюда попал и куда и зачем идёт. Начал потом жизнь совсем с нуля, совсем иным человеком.

Но это уже совсем другая история.

Содержание

Inquisitio prima — До-знание первое	4
Inquisitiose cundus — До-знание второе	7
Inquisitio tertio — До-знание третье	12
Inquisitio quartus — До-знание четвёртое	14
Inquisitio quintus — До-знание пятое	17
Inquisitio sextus — До-знание шестое	21
Inquisitio septimo — До-знание седьмое	26
Inquisitio continues — До-знание продолжается	30

Литературно-художественное издание

Валерий КОЛОТВИН
Великий Ванавати

Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.

Фото на с. 3 – Константина Горбунова.

На первой странице обложки:
Уильям Блейк. Ангел Откровения,
1805, 39.2×26 см., акварель, графит, чернила.

А книги тем временем группировались, разбирались по жанрам и стилям; объединялись в серии, собрания сочинений; разделялись по языкам, алфавитам и видам печати, искали своих авторов и издателей. Они выстраивались в длиннейшие струны-цепочки, невидимыми нитями опутывая мироздание и тем самым цементируя принципы его устройства. Они текли сквозь шаровые скопления и океаны разреженной плазмы, повсюду отделяя вокруг себя порядок от хаоса, а интенцию от энтропии. Они жаждали воплощения, и неустанно искали того, кто мог бы их применить. Они возбуждали в только что появившихся первых разумных существах жажду познания и мечты о невиданном. Они призывали, развлекали, вдохновляли надеждой, пробуждали мечты. Они осуществляли выстраданные, выношенные в обеспокоенных сердцах замыслы. Они создали в Вашей вселенной гравитационное поле добра и любви, разбудили сочувствие и милосердие, и теперь Ваша Вселенная наполнилась истинным содержанием и стала медленно, но неуклонно выстраиваться в благоприятный для возрастающего сознания универсум.

До-знание шестое

Издательство «Ник без Compani»